

«На киностудии не было макетной мастерской, и она возникла в моем лице...»

Рассказывает **Эльза Рапопорт** —

старейший художник по костюмам в отечественном кино

Русская мысль. — Париж. — 1998. — 9-15 апр. — с. 17

ми и что они добрыми словами вспоминали Анатолия и сокрушались о содеянном.

— **Когда Вы начали рисовать?**

— Как только мне попался в руки карандаш, я стала водить им. Как-то мама спросила, кого я рисую? Ответила, что Керенского, хотя изображение даже отдаленно не напоминало человеческое лицо. Если бы не повсеместный обязательный соцреализм, я бы, наверное, стала авангардной художницей. Еще в школе я сбегала с уроков и пропадала в театре, затем училась на театральном факультете. Получив диплом, я, однако, оказалась на улице... Встала в

ром, но если выполненные им декорации Козинцев принимал, то костюмы ни в какую. И эскизы предложили сделать мне. Они понравились Козинцеву. Так на "Ленфильме" впервые появилась профессия "художник по костюмам".

Меня выбивало из колеи то, что я должна была творить "по приказу". Как-то Фрэнсис, с которым я работала на студии Горького в нескольких детских картинах, снимал фильм "Рыжик". Главный герой — мальчик-оборвыш. Я сделала эскизы, одела его в лохмотья. Но в коридоре меня встретил директор и спросил: "Вот таким ты видишь русский народ?" На

Ленфильме постепенно исчезли лучшие работники. И все это тихо, спокойно, словно так и нужно. Все верили, что мы — самая лучшая студия в мире. Было страшно.

— **С кем из режиссеров Вы работали наиболее плодотворно?**

— С Росточким. Я делала костюмы почти ко всем его картинам. А сейчас мы даже и не разговариваем. Поссорились, потому что я никак смету на картину "И на камнях растут деревья" не подписывала, думала, не смогу уложиться в предложенную сумму. Это единственная в моей жизни ссора с режиссером. Ну, конечно, в какой-то момент подписала, уложились. Костюмы вышли хорошие, материал был натуральный. Но на экране изобразительный ряд не смотрится. Занятые получились костюмы и к одному из первых фильмов с Росточким "Герой нашего времени".

— **Что для Вас важнее в costume — исто-**

рическая достоверность или чтобы наряд "смотрелся" на экране?

— Фильм — это же не учебник исторического костюма. Недавно посмотрела какую-то картину по телевизору. Ничего из нее не запомнила. Но там был плащ с аллой подкладкой, он играл наравне с актером. Вот каким должен быть костюм. Из русских картин меня устраивает только одна — "Иван Грозный" Эйзенштейна.

К великому сожалению, мне самой очень редко удавалось вывести костюм на экран в том виде, в каком он был задуман. Например, я делала с Кулиджановым "Преступление и наказание". Задуманные эскизы постепенно нивелировались и превращались в ничто. С Сонечкой Мармеладовой просто беда была. Она же проститутка, какая-то должна была на ней лежать печать. Действие романа происходит в 60-70 годы XIX века, это было время очень широких юбок, под которые надевалось что-то вроде корзинок. Эскиз такого костюма я нарисовала и для Сонечки. Юбка была вздернута, виднелись ножки худенькие, нижние юбки, корзинка. Грудь перевязана тряпочкой крест-накрест. И шапочку на нее нахлобучила такую жалкую, с большим пером. Но свелось все к тому, что Сонечка превратилась в очень приличную молодую барышню, повязанную платочком.

— **Вам никогда не хотелось уехать из СССР?**

— Я ездила очень много — и по фестивалям, и отдыхать. Но через месяц страшно начинала скучать. Хотя никого у меня здесь не оставалось. Оба дома — и мой, и свекрови — вымерли во время блокады Ленинграда. Единственный мой родственник, 80-летний племянник, живет во Франции. Да и свекровиш я никаких не накопила, все тратила направо и налево. Жила одна с кошками, которых любила безумно, одно время у меня их было семь. Теперь не могу нагибаться, поэтому в доме животных не держу. Подкармливаю дворовых.

Вопросы:
ЮЛИЯ ТОЛМАЧЕВА

Москва

та, что он уже выдал одно такое. Кто первый добежит, тому и достанется работа. Я добежала... и осталась в кино на всю жизнь.

На киностудии не было макетной мастерской, и она возникла в моем лице. Потом надобность в макетах отпала, и я стала работать у Ивановского на картинах "Идушка Головлева" и "Дубровский".

Ивановский принадлежал к классическому направлению. А я мечтала работать с "фэксами" (так называемая фабрика эксцентричного кино). Наконец, моя мечта осуществилась. Я попала к Козинцеву и Траубергу на картину "Карл Маркс" — в помощники к художнику Серову. Он был настоящим масте-

— Я родилась в Одессе. Мать рано овдовела, и от первого брака у нее остались два мальчика — мои сводные братья. Старший — поэт, взявший псевдоним Анатолий Фиолетов. Он был очень нежный и тихий мальчик. Писал инфантильные стихи, которые мне очень нравились. Например, "Щелкунчик в нарядном лиловом камзоле / На елке подарен был маленькой Оле..." или "Есть нежное предание в Нипоне / О маленькой лошадке вроде пони...". Лучшим другом Анатолия был поэт Эдуард Багрицкий, он дневал и ночевал у нас в доме. Приходили Олеша, Катаев, Ильф. У нас в доме существовала легенда, что, когда Багрицкий и Фиолетов показывали свои стихи Мандельштаму, ему больше понравились стихи Анатолия. Младший брат — Осип Шор, которого в доме называли Остапом, послужил одним из прототипов легендарного героя "12 стульев".

— **Какие же события из жизни Осипа Шора леги в основу "12 стульев"?**

— На зиму мы всегда ездили в Петербург, там Осип и поступил учиться в Политехнический институт. Начался голод, мы с мамой вернулись в Одессу — думали, на юге сытнее. Брат остался, а когда стало совсем тяжело, тоже поехал к нам. Добирался он от Петрограда до Одессы полтора года. Эти его странствия и были описаны в рассказе его друзей Ильфа и Петрова. А когда Осип, наконец, вернулся, он поступил на службу в милицию, где уже работал старший брат. Известно, что Осип напал на след промышлявшей тогда в городе банды Япончика, но Япончик устроил ему засаду, попался же брат-поэт, который был убит. Как "разобрался" Осип с бандитами, описал Катаев в книге "Алмазный мой венец". Конечно, это легенда. Не могу я поверить, что Осип всю ночь проговорил со злодея-

15.04.98
171

Рапопорт Эльза